

Александра Лисина

Александра Лисина

Не выходите замуж на спор

Роман

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство А.ЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л63

Художник
О. Бабкин

Лисина А.

Л63 Не выходите замуж на спор: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2173-2

Вышла замуж на спор? Твой муж — тиран, не знающий жалости? Ничего страшного: любого мужчину можно покорить и сломать... Так думала Хель, соглашаясь на условия одного дурацкого спора. Но кто же знал, что на Князя тьмы не действуют любовные чары?! Теперь у Хель нет иного выхода, кроме как попытаться влюбить в себя сильнеешего демона Преисподней без помощи магии. Скажете, безумие? Возможно. Но суккубы без боя не сдаются!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Александра Лисина, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2173-2

ПРОЛОГ

— Н-на тебе туз червей!

— Н-на тебе в ответ даму крести! И еще десяточку! И вальта! Что, съел?

— Да мне твою даму перекрыть — раз плюнуть! Так что... н-на тебе короля! Н-на! И еще раз н-на!

На отломанную сидушку от табуретки, брошенную прямо на пол, одна за другой посыпались замусоленные карты.

Я с досадой стукнула кулаком по колену. Лики Преисподней! Да что сегодня за день?! Зачет по ведьмовству не сдала, доставшему меня бесу рыло не начистила, а теперь еще проиграю какому-то укушавшемуся мухоморовки фею?!

В карты мы резались уже давно, азартно, яростно торгуясь за каждый ход. А что еще прикажете делать студентам накануне отбоя? У нас тут, как обычно, вся группа собралась и даже не помышляет расходиться, хотя времени до полуночи осталось немного. Еще бы! Последняя партия... Оборотень с ангелом благополучно выбыли, оракула мы по понятным причинам в игру не взяли, и против нас с баньши остался только мелкий фей с пьяно блестящими глазами. Каких-то полчаса назад мы были близки к триумфу. А сейчас у меня на руках остались только двойка, семерка и пара шестерок, тогда как у Шмуля наверняка еще полколоды заныкано... Ну не гадство, а?

— Хелька, имей в виду, — дрожащим голосом вдруг сообщила сидящая рядом баньши. — Ты меня в это втянула, так что, если он выиграет обещанное желание, я тебе этого не прощу-у...

Я пихнула мелкую плаксу локтем, чтобы не вздумала портить пол. А то потом или паркет опять вздуется, или канализация протечет, или кто из соседей к утру ненароком преставится — умеет, поганка, смерть насылать, когда захочет. Лучше бы гаденыша-фея так оплакивала, чем нашу улывающую победу.

— Шмуть, давай! — подпрыгнул раскрасневшийся от волнения оракул, отчего доски под ним жалобно скрипнули и опасно прогнулись. Комнаты в общежитии маленькие, поэтому кровати двухъярусные, узкие. А этот раздобревший на университетских харчах предатель оккупировал верхнюю койку еще в начале игры, потому что, понимаете ли, оттуда лучше видно. — Щас ты их завалишь! Улька уже слилась!

Я мрачно зыркнула на толстяка.

— Слышь, Зыряныч, ты со мной за одной партой больше не сидишь! И на мои лечебные зелья не претендуешь. Понял?

— Хель, да ты чего? — отпрянул толстяк, осознав реальность угрозы. Даже плюшку изо рта выронил, обсыпав сахарной пудрой постель. — Побойся Создателя! Это же игра!

— А то, что нам сейчас поражение накаркал, нормально? — прошипела я.

Баньши, выбыв из игры под злорадный хохот фея, тут же завывала дурным голосом:

— А-а-а! Хе-э-эль! Спасай нас обе-э-их! Я больше не хочу наряжаться привидением и пугать прохожих! В прошлый раз еле ноги от стражи унесли-и-и! А в позапрошлый он нас еще и выкупать из тюрьмы отказывался-а-а!

Я окончательно расвирепела:

— Видал, что наделал, предсказатель придурочный?!

— Я не каркал, — донесся сверху испуганный голос, и где-то там подозрительно хрустнула доска. — У меня предвидение было.

— Значит, больше в будущее не смотри! — рывкнула я, решительно выкладывая на табуретку свои последние козыри. — А то Улька тебя сейчас оплачет!

Баньши от удивления даже прекратила рыдать и, убрав с лица длинную черную челку, в священном ужасе уставилась на жестокую меня. А потом, безжалостно паля нас обеих, вытаращилась на двух невесть откуда взявшихся в игре тузов. Но я и глазом не моргнула, мухлевать так мухлевать. В данной ситуации победа дороже чести.

Кстати, да, забыла представиться: Хельриана Арей Нор Валлара, для своих — просто Хель. Студентка третьего курса УННУНа — Университета нетрадиционных наук и уникальных нововведений. А еще — суккуб с крайне запутанными, в том числе ангельскими, корнями.

— Хелечка, ты тоже выбываешь! — На конопатом лице Шмуля внезапно расплылась мерзопакостная улыбочка, и поверх моих тузов легло два невесть откуда взявшихся джокера.

Я буквально окаменела. Да что там! Меня чуть удар не хватил от мысли, что этот мелкий поганец всю игру умудрялся водить нас за нос. Не могло быть у него сразу *двух* джокеров! Не могло! Но как, мама моя суккубская, и главное, где этот гадский фей, что ростом от горшка два вершка, прятал карты, если на нем даже рубашки не было? И если все это время его голые руки, да и ноги тоже, находились у меня перед глазами?

Баньши стремительно спала с лица.

— Хеля, мы пропали!

А недоделанный оракул тихонько пробормотал:

— Я же говорил...

Глядя на то, как разбойничья физиономия сиреневокрылого фея расплывается в гнусной ухмылке, моя рука начала сама собой подниматься. Народ, предвидя катастрофу, поспешно отпрянул в стороны, а сидевший дальше всех оборотень торопливо юркнул под стол.

— Правильно. Благослови его, Хель! — подал голос уныло сидящий на единственном стуле ангел. Не чистокровный, конечно. Примерно на четверть человек. Тощий, нескладный, занудный до отвращения, без присущих нормальным ангелам крыльев, зато с забавными кудряшками и

одухотворенным взглядом огромных голубых глаз. — Нечисть должна быть наказана!

— Ты на что это намекаешь, пернатый? — мгновенно оскалился Шмуль, пряча под тощей зад небольшие копытца. А когда Марти обвинительно ткнул в него пальцем, гневно жужжащей мухой взвился под самый потолок.

— Ты смухлевал!

— Ничего подобного!

— Мухлевал! Я знаю!

— Докажи!

Ангел сник; поймать за руку ушлого фея было практически невозможно. Сейчас нам с баньши не помогло бы и коронное мартиновское «покайся!», после которого даже у меня порой не выдерживали нервы. С фея все было как с гуся вода. Потому и морда всегда довольная.

— Ладно, — раздраженно бросила я, поднимаясь на ноги. — Проигрыш так проигрыш. Ульяна, не реви — твое желание я возьму на себя.

— Что? — встрепенулась уже собравшаяся испортить нам пол баньши. Растрепанная, как обычно, тощая донельзя, бледная как поганка, с потекшей тушью и синими кругами под глазами — хоть сейчас мертвологам на пособие отдавай.

Я повернулась к жужжащему под самым потолком фею.

— Что ты хочешь?

— Мм... Да я, собственно, еще не решил, — тут же изобразил задумчивость Шмуль. Но в глазах уже появился знакомый блеск. Наверняка врал, поганец. И желание заранее придумал, иначе не поднял бы ставки. — Хотя знаешь, наверное, Мартин прав. Благослови-ка меня!

Я с искренним недоумением воззрилась на самоубийцу.

— Шмуль, ты спятил? В тебе же темная кровь!

— Ну и что? — упрямо выпятил нижнюю губу фей и сердито затрепетал крылышками.

Я покрутила пальцем у виска.

— Если я это сделаю, ты сдохнешь.

— Тебе-то что?

— Иди к демонам, мелкий, — фыркнула я, не понимая, чего он уперся. — Мне маменька запретила убивать разумных темных до совершеннолетия. Но, даже если я ее не послушаю, Старая Жаба с треском вышибет меня из УННУНа, и вот тогда меня точно больше никуда не возьмут.

— Я спишу тебе одно желание! Улькино! — торопливо выкрикнул Шмуль, когда я решительно двинулась к выходу. — И следующая партия тоже твоя. Нет, две! Ладно, три отдам... и еще желание сверху!

Я отмахнулась от блаженного дурачка.

— Ступай проспись. Потом свое желание скажешь.

— Но ты обещала!

— Да я лучше совру, чем потом буду отплясывать на твоих похоронах, — фыркнула я, и на лице взбешенного фея вдруг проступили черные вены. — Я пока, знаешь ли, не готова к такому празднику жизни. Да и платья для поминок у меня нет. Покупать его дорого, шить долго. Проще за Темного Князя выйти, там даже готовиться не надо. Пришла, предложила — и все, ты уже счастлива.

— Да тебе слабо! — вдруг вякнул из-под стола оборотень.

— Вася, не зли меня, — пригрозила я, и он послушно затих. — Я от своих слов никогда не отказываюсь.

— Тогда пусть оно так и будет! — каким-то жутковатым голосом вдруг возвестил Шмуль, превратившись в неопрятный черный сгусток с темно-фиолетовыми крыльями. Ни лица, ни глаз, только рот до ушей с сотней острых зубов, короткий хвост с кисточкой и виднеющиеся снизу козлиные копыта. — Ты сегодня же выйдешь замуж за Темного Князя! Сроку тебе — час. Откажешься — исполняешь желание. А выполнишь и сумеешь вернуться... так и быть, прошу.

Мы все оторопели. Не столько оттого, что в фею наконец проснулась чья-та поганенькая кровь, поймавшая меня на слове, а скорее от полнейшего абсурда происходящего. Мои благословения, даже слабенькие, для темных крайне бесполезны. Даже демонам становится некомфортно, если я разозлюсь. Так что придурковатый фей понятия не имел, о чем просит. А главное, не знал, на кого нарвался.

Наверное, это все мухоморовка виновата, раз я не послала его сразу и не забыла все как дурной сон. Но меня вдруг такая злость взяла, что я, взглянув на преобразившегося фея, упрямо вскинула голову и четко произнесла:

— Я, Хельриана Арей Нор Валлара, здесь и сейчас клянусь сегодня же выйти замуж за любого из Темных Князей. И пусть Тьма будет мне свидетелем!

Не ожидавший такой подлянки Шмуль отшатнулся, стремительно возвращаясь в привычный облик, а меня под испуганный крик одноклассников мгновенно окутало плотное черное облако и с устрашающим ревом закинуло прямиком в Преисподнюю.

ГЛАВА 1

Говорят, когда Бог создавал миры, для каждого он использовал определенный сорт глины. Какие-то из них заселились потом людьми, где-то смогла развиться магия, где-то жили оборотни, в некоторых обосновались эльфы и крылатые феи. Все миры были разными, и в каждом из них существовали всевозможные, абсолютно на любой вкус, школы и академии.

Каждое из этих заведений скрупулезно отбирало учеников по строго определенным признакам. Одним нужны были умные и красивые, другим — одаренные и гениальные, третьим — мохнатые и клыкастые. Даже для кикимор и мавок существовал какой-то уголок, где они постигали премудрости болотной жизни.

Но иногда студенты попадались такие, что никто не мог понять, к какому виду их отнести. И ни одна из академий не брала на себя ответственность за таких бедолаг.

Куда, например, податься молодому ангелу, если его отец сошелся со смертной женщиной, а родившееся от их связи дитя не получило дара благословлять и летать? Что делать фею, у которого в предках мелькнула демонесса, и теперь природное умение создавать хаос, помноженное на мерзкий характер, стало грозить неприятностями Зачарованному лесу? Что делать оборотню, потерявшему врожденное свойство оборачиваться? Или оракулу, утратившему способность вовремя предвидеть?

Для таких бедолаг существовало лишь одно место, где от них никто не отказывался. Последнее пристанище для неудачников — УННУН. Единственный университет, откуда было практически невозможно вылететь.

В сущности, ничего уникального в нем не было, кроме, пожалуй, расположения — УННУН оказался не привязан ни к одному известному миру. И находился на куцем огрызке пространства, которое Бог, вероятно, слепил из разноцветных кусков глины, оставшихся после сотворения миров. Ущербный мир, состоящий из моря, скал, тщательно оберегаемого леса и одного-единственного города. Смесь причудливого ландшафта с исковерканными законами мироздания. Здесь не работало нормально ни одно известное заклинание и не слушалась по-настоящему ни одна стихия. Вывернутый наизнанку Мир, который так теперь и называли. Единственный пяточок суши, откуда можно попасть в любую из существующих вселенных.

Именно это обстоятельство вывело Мир за пределы системы. И именно поэтому в УННУН были сосланы все мы — люди и нелюди, ангелы и демоны, эльфы и гномы, оборотни и маги. Здесь собрались все оказавшиеся бесполезными или опасными в своих мирах создания. Ошибки природы. Плоды самых невероятных связей, каким-то чудом получившие жизнь. А три года назад к ним присоединилась и я — неопытная суккуба с крайне сомнительным происхождением.

Вообще-то в будние дни нам не позволялось покидать универ без специального разрешения. Но на магические клятвы это ограничение не распространялось, поэтому-то меня и вышвырнуло с такой легкостью в Преисподнюю. Причем не абы как — клятва, подтвержденная Тьмой, требовала точности. Поэтому меня отправили в замок ближайшего Темного Князя и демонстративно вытряхнули прямо ему под нос. Если точнее, на огромный пиршественный стол, за которым собралась целая армия демонов.

Под веселый звон разбившихся бокалов и грохот опрокинувшейся посуды я чувствительно приземлилась пятой точкой прямо на черную скатерть и ошеломленно воззрилась на оказавшегося передо мной демона.

Довольно мелкий, то есть как раз с меня, чернокожий, с гладким лицом, оранжевыми, как морковь, глазами и выступающими над кучерявыми волосами аккуратными рож-

ками. Сравнительно молодой — мелькнувшие в разинутой пасти клыки еще не сточились — и неопытный, поскольку вместо того, чтобы сразу напасть или, напротив, отшатнуться, он изумленно замер, так и не донеся до рта вилку с наколотой на нее вишенкой.

Чуть дальше, за тянувшимся через весь немаленький зал столом, нашлись и другие местные обитатели всех мастей — черные и красные, рогатые и хвостатые, просто клыкастые и совсем уж страшные, похожие на людей и вообще не похожие ни на что. Видимо, вечеринка у них назрела. Или праздник какой отмечали, мрачно жуя недожаренное мясо и запивая его — я принялась к разлившейся неподалеку луже — весьма неплохим вином.

Суровая маменькина школа даром не прошла, так что после жесткого приземления я почти не растерялась. Для начала грациозным движением спустила со стола длинные ноги, которые, благодаря провокационным разрезам юбки, обалдевший демон мог видеть во всей красе. Уверенно и властно обхватила ими торс застывшей жертвы, вынуждая ее нагнуться вперед. Соблазнительно изогнувшись, поправила волосы. А затем подалась вперед, чтобы незнакомец мог заглянуть в глубокий вырез моей рубахи, и аккуратно, одними губами, сняла с его вилки вишенку, выразительно при этом облизнувшись.

Надо признать, в своем обычном состоянии мы, суккубы, довольно невзрачны — ни ног от ушей, ни груди величиной с арбуз, ни чего-то такого фантастического. Обычные девчонки, которых везде пруд пруди. Однако природная магия делала нас желанными для намеченного в жертву мужчины, поэтому сейчас прибалдевший демон видел перед собой не встрепанную девицу в запыленной одежде — перед ним сидела богиня. Невероятно привлекательная самка, которая даже в дерюге выглядела бы сногшибательно. Правда, ради этого мне пришлось осветлить кожу, стать ниже ростом, чуточку тоньше в талии и гораздо полнее в груди, да и цвет волос сменить с русого на иссиня-черный.

Оказывается, эта особь предпочитала белокожих брюнеток.

— Доброй ночи, милый, — промурлыкала я, проведя по подбородку демона мгновенно отросшими и окрасившимися в кроваво-алый цвет ноготками. — Скажи, где твой Князь?

Рогатый, не отрывая от меня затуманенного взгляда, ткнул пальцем куда-то в сторону.

— Хороший мальчик, — прошептала я, наклонившись к самому его уху и заставив жертву шумно сглотнуть. После чего так же медленно отклонилась, подтянула колени к груди, умышленно толкнув тяжело задышавшего демона, и одним гибким движением поднялась на ноги. А затем выпростала из специальных разрезов платья мягкие, похожие на прозрачный шелк крылья (не спрашивайте, с кем согрешила моя прабабка ради улучшения породы) и, стряхнув на изумленно вскинувшихся демонов золотистую пыльцу, величественно взмыла под самый потолок.

— Апчхи! — звучно чихнула моя первая жертва, вдохнув любовную отраву.

— Пчхи! — через секунду поддержала ее вторая.

— А-апчхи! — моментально разнеслось вдоль стола.

— Апчхи! Чхи! Чхи-и-и!

— Апчхи! Да что ж такое... — Кто-то торопливо зажал нос, надеясь спастись, но моя пыльца — оружие массового поражения, воздействующее на жертв как любовный дурман. Правда, для темных она почти безобидна, но я и не собиралась никого совращать. Пусть займут себя на часок, этого вполне достаточно.

Темный Князь нашелся во главе стола; без особого интереса он следил за тем, как я бессовестно травлю его подданных. Единственный светлокожий представитель темного племени, который выделялся среди обычных демонов, как выделяется могучий лев среди стаи гиен.

В Преисподней нелегко добраться до вершины, поэтому каждый Князь всходил на трон в буквальном смысле по трупам своих врагов и сторонников. За долгие столетия он многое пережил, научился видеть людей и нелюдей насквозь и по одному взгляду определял подбирающегося к нему убийцу. Он видел все, что только могла ему предло-

жить насыщенная событиями жизнь. Все испытал, включая разнообразные излишества и нехорошие пристрастия, которые со временем тоже потеряли остроту. А теперь ему было скучно. Неимоверно, безумно, мучительно скучно. Настолько, что даже мое эффектное появление не смогло его расшевелить.

Но мне-то его на женитьбу уговорить нужно. Причем всего за час, пока не прочихаются остальные.

Основная трудность заключалась в том, что у Князя не имелось предпочтений относительно противоположного пола. Всех, кого было можно и нельзя, он за свою жизнь уже перепробовал и давно пресытился. А теперь ему стало без разницы, на кого смотреть и с кем, вероятно, спать. Настолько безразлично, что даже моя природная магия не смогла найти, что ему предложить, и, растеряннот отступив, вернула мою внешность к исходному облику.

— Мое почтение, ваше темнейшество! — Я грациозной птицей опустилась прямо перед тронот, где со скучающим видом сидел худошавый, длинноволосый, одетый во все черное и крайне хмурый тип неопределенного возраста. — Прошу прощения за столь неожиданный визит, но у меня к вам серьезное деловое предложение.

Он даже не пошевелился.

— Какое?

— Вам случайно жена не нужна? — с очаровательной улыбкой осведомилась я, рассматривая его непроницаемое, но не лишенное своеобразной, какой-то хищной привлекательности лицо. — Жена что надо: неверная, непослушная, нелюбящая и совсем не красивая. Подарок судьбы, одним словом. Возьмете?

— На меня не действуют твои чары, суккуба, — равнодушно сообщил он, глядя куда-то мимо. — Меня не приворожишь.

— Так я и говорю — сугубо деловое предложение. Взаимовыгодный обмен на равноценных условиях.

Князь наконец повернул голову и смерил меня презрительным взглядом.

— И что я получу? Тебя? Думаешь, что сможешь поразить меня в постели?

— А кто говорит про постель? — искренне удивилась я, по-прежнему игнорируя его беспрестанно кашляющее и чихающее окружение. — Там я и без вас прекрасно обойдусь. Давайте меняться: вы мне — брачные браслеты, я вам — избавление от скуки. Вам же скучно, мой Князь? — вкрадчиво поинтересовалась я. — О-очень скучно. А я помогу вам вернуть остроту жизни.

В его глазах мелькнул и пропал ма-а-ахонький огонек.

— А если я тебя убью?

— Будете в своем праве, — без колебаний признала я. — Но тогда вам опять станет скучно. И снова придется ждать, пока кто-то развеет вашу тоску. Разве это разумно?

— У меня было десять жен, суккуба, — безразлично отозвался Князь. — Одна хотела власти, вторая — денег, три других — детей, а остальные — моей смерти. Что нужно от меня тебе?

— Ничего, — бодро отозвалась я, и вот тогда он чуть приподнял брови. — Ничего, кроме самого факта замужества. Даже еды и воды не потребую — я не капризная. Если пожелаете, вы меня больше не увидите, но при этом отсутствие скуки я готова гарантировать надолго.

Князь помолчал, а потом едва заметно нахмурился.

— Зачем тебе это?

Я пожала плечами.

— Обычный спор.

— Кхм... Что?

О, кажется, мне-таки удалось его зацепить.

— Ну да, просто дурацкий спор, который требует от меня выйти за вас замуж.

Он снова помолчал, а потом небрежно махнул изящной кистью, в которой тем не менее чувствовалась огромная сила, и скупо бросил:

— Не интересуется.

— Жаль, — не стала настаивать я. — Тогда можно я тут осмотрюсь? Кто знает, вдруг другую жертв... то есть жениха замечу?

И, не дожидаясь ответа, снова поднялась в воздух.

На этот раз, кроме громкого чиха, меня сопровождали и ругательства. Правда, с проклятиями никто баловаться не рискнул, но один из рогатых гостей, которого я на пробу задела крылом, все-таки не выдержал и запустил мне вслед огненный шар. Маленький такой, слабенький, только чтобы прибить зудящего над ухом комара.

И сразу как-то стало веселее. Невесомая пыльца, которая успела наводнить весь зал, моментально вспыхнула и привнесла в унылый серо-черный интерьер долгожданное разнообразие. От прокатившейся по залу взрывной волны бронзовые люстры одновременно качнулись, роняя с зажженных свеч расплавленный воск прямо на головы рыкнущих от неожиданности гостей. А осевшая на их одежде пыльца мгновенно воспламенила ее вплоть до нижнего белья.

В считанные секунды унылое застолье превратилось в шумный и радостный праздник. Кто-то из демонов взревел, ожесточенно сдирая с себя пылающий камзол, кто-то с грохотом выскочил из-за стола, неловко зацепившись за горящую скатерть. С протяжным звоном запрыгали по каменному полу опрокинутые блюда и уставленные деликатесами подносы. Разбились бокалы. Свалились торты. Выплеснулось на чьи-то колени вино...

Кто-то из числа самых вспыльчивых гостей снова попытался швырнуть в меня стустком огня, нерационально запалив его посильнее, но ожидаемо промахнулся и зацепил раздраженно озирающегося, наполовину оголившегося соседа. Тому это не понравилось (сгорающие на груди волосы — это, наверное, больно), поэтому незадачливый метатель был тут же превращен в плоский блин и бесформенной грудой осел у противоположной стены. Само собой, пока он туда летел, умудрился по дороге сбить еще кого-то, отбросив на одно из кресел. Там тоже кто-то пострадал и, соответственно, пожелал выразить свое возмущение...

Безусловно, иметь в родне фей — выгодно и полезно. В другое время демоны сохранили бы надменное молчание. Не осмелились бы потревожить покой своего повелителя,

однако в присутствии истинного носителя Хаоса градус агрессивности среди присутствующих резко подскочил вверх.

Чтобы оживить начавшееся веселье, я совершила еще пару кругов под потолком, выхватывая взглядом сиротливо разбросанные столовые приборы и тихонько бормоча:

— Благословляю вас, дети мои, на войну...

Попавшие под действие моего коварства вилки тут же превратились в рогатых металлических тараканов, которые с ходу взяли разбег и впились кто куда достал. У ложек раздвоились ручки, превратились в колючие усики и острыми пиками воткнулись в оказавшихся рядом врагов. Ножи с гудением поднялись в воздух, начав охоту на без того заведенных демонов. Ну а я, с умилением следя за их подвигами, летала над всем этим безобразием и раз за разом шептала:

— Благословляю... благословляю... благословляю...

Оружие светлых в темных руках — страшная сила. Снизу снова раздался яростный рев. Кого-то ловко подсекли, кто-то обзавелся неожиданным паразитом, кто-то, споткнувшись, полетел напрямиком в костер. И все это — на фоне бушующего в зале торнадо и красивого зарева беспощадно сгорающих картин.

— Какие-то они у вас нервные, ваше темнейшество, — заметила я, приземляясь на спинку черного трона и с любопытством следя за стремительно набирающим силу хаосом. — Вы бы их воспитывали, что ли? А то вон чего творится — сейчас боевые ипостаси из-под контроля выпустят.

Я как сглазила — сразу двое обозлившихся демонов, утратив над собой контроль, обернулись прямо у нас на глазах и немедленно вцепились друг другу в глотки. Чуть дальше еще двое с остервенением били кого-то ногами. А один внезапно заметил меня и, не раздумывая, метнул еще один огненный шар. О том, что он прилетит точнехонько в сидящего рядом со мной повелителя, демон конечно же не подумал. А вот Князю происходящее не понравилось. Заметив несущееся ему в лицо ревущее пламя, он сузил глаза и, погасив его одним щелчком пальцев, неожиданно рывкнул:

— Довольно!

Причем рывкнул так, что меня едва не сбросило с трона.

Прокатившаяся по залу волна силы оказалась настолько мощной, что на демонов это подействовало как ушат холодной волны. Хотя, скорее, целый ледяной водопад. Или смерч. А может, и все сразу. Остервенело сражающихся гостей с легкостью раскидало в разные стороны, затем снова собрало воедино, небрежно скомкало, не считаясь со сломанными конечностями и выбитыми клыками, и смяло в один большой шар. После чего с раздражением выкинуло вон, с грохотом захлопнув напоследок двери.

«Силен, — с уважением подумала я, когда в зале стало тихо, а его темнейшее поднялся и медленно повернулся ко мне. — Так легко избавить кого-то от воздействия моей пылицы — это надо уметь».

— Ты мне надоела, — глухо уронил Князь, посмотрев на меня, как дракон на вошь.

Ух, мать моя герцогиня! Каким же он будет, если по-настоящему разозлится?

— Вы так могучи, мой Князь! — с придыханием прошептала я, когда он подошел и без церемоний взял меня за глотку. — Вы так великолепны и чудовищны... так многоуважаемы и безнадежно желанны... что я прямо сейчас помру от благоговения перед вашим умением быстро очищать пространство от дураков.

От моего резко изменившегося к концу тирады тона в глазах повелителя, до этого поблескивающих, как поверхность бездонного озера, за клубилась первородная Тьма. Заворачивающе медленно она выплыла из его глазниц, окутала его страшноватым ореолом власти. Затем так же медленно стекла по его рукам и холодным языком лизнула мне кожу. Задумчиво покачалась у меня перед лицом, словно змея перед опустевшим гнездом, а потом так же медленно уползла обратно.

Повертев меня так и этак, будто забавную зверушку, повелитель негромко спросил:

— Что ты хотела, суккуба, раз это потребовало избавиться от свидетелей?

Я опустила глаза.

Умен, зараза. Но мне теперь нельзя ошибиться, иначе, если меня не убьет он, буквально через несколько часов это сделает магическая клятва. С Тьмой не шутят, когда клянутся ее именем. И ей не лгут, потому что наказание будет страшным.

— Вы правы, мой Князь, я не все вам сказала, — смиренно просипела я, чувствуя, как сильные пальцы задумчиво перебирают хрящи на моей глотке. — И не все аргументы привела, чтобы получить ваше согласие на брак.

— Что ты скрyla?

— Вот *это*, мой Князь, — вздохнула я и поспешно зажмурилась, чтобы не ослепнуть.

Чистейший белоснежный свет хлынул из меня в прокопченный зал, заливая его не виданной здесь благодатью. Грудь обожгло. Из глаз едва не брызнули слезы, в живот будто лавы плеснули... Увы, быть носителем Света и Тьмы — тяжкое бремя, и оно не предназначено для слабого человеческого тела. Но я не позволила себе даже всхлипа, когда призывала светлую ипостась. И не пролила ни слезинки, когда моя темная половина скорчилась от боли, заживо сгорая в очищающем огне.

Увы. Маменька сделала большую глупость, когда решила добавить в свою коллекцию трофеев чистокровного ангела. А расплачиваться за ее грехи приходилось мне. Но даже боль от перехода от одной сущности к другой не могла умалить моего восторга от созерцания преобразившихся крыльев — прекрасных, сияющих, словно сотканных из лунного серебра, то самое папочкино наследство, о котором мечтал неспособный к полетам Марти.

Ударившие от меня лучи не пощадил и Князя — темные, особенно высшие, плохо переносят Свет. Однако он ничего не сказал, когда жестокий огонь опалил ему руки. И не поморщился, когда пламя так же быстро изуродовало его красивое лицо.

Повелитель отпустил меня почти сразу, как только понял, что происходит, и благоразумно отступил на пару шагов. Несколько минут, пока шла регенерация, оценивающе меня рассматривал и внимательно изучал. Как только кожа

на его лице восстановилась, снова бесстрашно протянул руку, внимательно глядя, как сгорает на ней плоть до самых костей. Опустил ее. Проследил, как в тени плоть нарастает вновь. И только тогда коротко бросил:

— Я согласен.

Полный безумного облегчения вздох не вырвался из моей груди только потому, что я боялась дышать, чтобы не разорвать сгустившуюся тишину собственным криком. Но малу-помалу безумный огонь угас, болезненно яркий свет перестал струиться сквозь мои руки. А льющаяся с крыльев благодать исчезла, позволив недовольно шепчущейся тьме вернуться в давно облюбованные углы.

В тот же миг мои запястья обожгло невероятным холодом, и на них, нещадно сдавив кожу, с металлическим лязгом защелкнулись тяжелые, матово-черные, связанные толстой цепью браслеты, которые то и дело вспыхивали алыми всполохами рунических знаков и были подозрительно похожи на кандалы. Одновременно такие же, только без цепи, «украшения» защелкнулись на запястьях Князя, и почти сразу где-то грянул гром, подтверждающий заключение сделки. А потом мой новоявленный муж усмехнулся и, развернувшись к выходу, властно бросил:

— Идем!

Пока я стояла, шатаясь под тяжестью оков, и пыталась отделаться от ощущения непоправимой ошибки, какая-то неумолимая сила подхватила меня и буквально потащила вперед. За ним. Спротивляться ей было невозможно. Попытка остановиться мгновенно пресеклась раскалившимися докрасна браслетами и недвусмысленно намекнула, что за повторное промедление меня накажут еще большей болью.

Я вонзила злой взгляд в спину удаляющегося мужчины, но вынужденно сделала сперва один шаг, затем другой... А когда поняла, что противиться себе дороже, покорно отправилась туда, куда он меня повел.

Запутанные коридоры подземного дворца оказались похожи на каменный лабиринт, поэтому я даже не пыталась запомнить дорогу. Огромная металлическая дверь, перед

которой мы остановились, была щедро расписана сценами кровавых боев и выглядела несокрушимой. Открывшаяся за ней комната, убранная в кроваво-красных тонах, и с одной-единственной, но очень широкой кроватью, заставила меня нервно поежиться. А появившаяся на губах Князя первая, но откровенно жуткая, улыбка — инстинктивно вжаться в ближайшую стену.

— Теперь твое место здесь, — указал Князь, наслаждаясь моим неожиданным испугом.

Я похолодела, страстно надеясь, что до исполнения супружеского долга прямо сейчас дело не дойдет. И все-таки вздрогнула, когда в его изучающем взгляде промелькнуло сдержанное, но какое-то мрачное любопытство. После чего ощутила требовательный толчок в спину, послушно зашла внутрь, украдкой озираясь в поисках пил и ножей для расчленения тела. Убедившись, что ничего подобного нет, и поняв, что при желании меня просто сожрут целиком, нерешительно оглянулась. Но вместо Князя увидела только быстро закрывающуюся дверь. А когда она с похоронным звоном захлопнулась, я утерла выступившую на лбу испарину и пробормотала:

— Уф... До чего же опасный был блеф...

Как только стало ясно, что новоявленный муж не вернется, я тут же скинула с себя маску унылой обреченности и, торопливо бухнувшись на колени, обеими руками ухватилась за цепь. Металл оказался магически усиленным и при малейшей попытке его снять превращал жизнь носителя браслета в сущий ад. Он не позволял сбежать. Полностью исключал возможность использования пространственной магии. Не поддавался разрушающим чарам и был предназначен для того, чтобы удерживать жертву в плену у демона вечно.

Но я не собиралась быть жертвой. И оставаться здесь дольше необходимого не планировала. Поэтому прикоснулась к браслетам и, постаравшись до краев наполниться неземной благодатью, с чувством произнесла:

— Благословляю тебя отпустить!

Благословение — это не магия. Его очень трудно измерить и почти невозможно объяснить. Благословить кого-то означает подарить часть себя, безвозмездно отдать кусочек благодати, которая иногда посещает любую душу. При этом стремление поделиться ею должно быть достаточно сильно, чтобы она смогла воплотиться во что-то реальное, в какое-то действие — страстно ожидаемое, самое нужное именно в этот момент изменение или просто в хорошее настроение, если тебе его отчаянно не хватает.

Для темных рас это умение практически недостижимо — мы слишком жадны, самолюбивы и горды, чтобы распахивать перед кем-то душу. Мы плохо умеем отдавать. Да и принимаем далеко не все. Потому-то для нас искреннее благословение так опасно.

Но бывают и исключения, когда слабенький Свет, прячущийся где-то глубоко во Тьме, спасает от распада душу какой-нибудь полукровки. Забирает на себя обжигающую благодать и позволяет грешнице и дальше ютиться во Тьме. По этой причине благословлять — так, потихоньку, я все-таки могу и даже не болею при этом. Да и на многое другое способна, если, конечно, сумею правильно настроиться.

Под действием благословения демонические браслеты зашипели, словно разъяренные гадюки, а мне пришлось прикусить губу и стиснуть зубы, чтобы не заорать. Проклятые кандалы вместо того, чтобы просто разомкнуться, неохотно плавилась, с отвратительным звуком пузырясь на стыках и истончаясь с одной стороны — как раз там, где я прикасалась. Раскалившийся металл обжигал так, что на моей коже вспухали огромные волдыри. Но зато проклятые браслеты все-таки сползали. Нарочито медленно, плавно, словно издеваясь. И оставляя заодно на моей коже глубокие, мерзко воняющие ожоги.

Наконец кандалы с лязгом рухнули на багряно-красный ковер, смотрясь на нем, как сплетенные в брачном танце змеи. А я вытерла невольные выступившие слезы и снова призвала в себя Свет, надеясь, что не откину копыта, когда сделаю то, что задумала. Мстительно прищурилась и, уло-

жив брачные оковы на постель так, чтобы они с цепью приняли форму сердца, оскалилась.

— Теперь тебе скучать точно не придется, муженек!

После чего решительно возложила на собственную голову источающие Свет ладони и торжественно возвестила:

— Благословляю себя вернуться в УННУН!

ГЛАВА 2

Тянуть себя из глубины Преисподней оказалось тяжело; думала, что помру, пока поднимусь. Но Света, примерно вдвое усиленного благословением, как раз хватило, чтобы я в окружении сияющей белой сферы дотащилась до знакомой комнаты и, возникнув посреди обгорелой проплешины ковра, обессиленно грохнулась на пол.

— Х-хелька... — потрясенно прошептала баньши, когда я с кряхтением поднялась. — Наша Хелька вернулась!

Сохранить лицо в такой момент было делом чести, поэтому, поднявшись, я брезгливо отряхнула дымящуюся юбку, пригладила вставшие дыбом волосы и надменным взором обвела комнату.

— А что? Кто-то сомневался?

Затем отыскала сидящего на подоконнике фея, на побелевшей физиономии которого можно было рисовать всякие скабрзности, и процедила:

— Уговор выполнен. Князь женился.

Но Шмуль не был бы Шмулем, если бы даже в такой ситуации, насмерть перепугавшись и уже решив, что меня пора хоронить, не поджал трясущиеся губы и не выдавил упрямо:

— Докажи!

Я молча показала предплечья, где красовались симметричные, точно повторяющие очертания браслетов ожоги с вдавленными в остатки кожи демоническими письменами. После чего обвела высокомерным взглядом притихших одноклассников, в глазах которых читался суеверный ужас, удовлетворенно кивнула и в полной тишине вышла, надеясь, что они не видели моих дрожащих коленок.

Только оказавшись в нашей с Улькой комнате, я с размаху плюхнулась на стул и устало обмякла.

Ладно. Клятва дана — клятва исполнена, я теперь замужем и Тьма мне не страшна. Ну а то, что муж у меня Темный Князь... Подумаешь! Кому-то и ангелы достаются.

Разумеется, муженек придет в бешенство, когда обнаружит, что я сбежала. Но если о свадебном обряде станет известно кому-то еще...

Я зябко передернула плечами, представив, как взбеленится маменька, если только узнает. Но в УННУНе мне опасаться нечего: высшим сущностям, что темным, что светлым, нет хода в этот мир. Да и Князь не захочет потерять лицо, признавшись кому-то, что его всего за полчаса окрутила какая-то суккуба. Я тоже промолчу, потому что мне жить охота. А друзья постараются об этом не вспоминать. На крайний случай, если кто-то все же прознает, то Князей в Преисподней много, кого именно я обхитрила — выяснить невозможно. Браслеты мои остались внизу, муженек свои обязательно спрячет, так что никто и никогда не узнает, что мы женаты.

Ну а то, что он еще долго будет кидаться на стены — пустяки. Может, ему под руку демон какой попадется, и мир станет чуточку лучше. Я ему не раба, без браслетов призвать меня он не сможет, постель мы с ним тоже делить не клялись. Я ведь лишь пообещала развеять его скуку и ни в чем не солгала: безудержное веселье — в смысле непреходящее бешенство вкупе с бесплодными попытками меня найти займут его мысли о-очень надолго.

Я усмехнулась и подошла к зеркалу, чтобы взглянуть, чем пришлось заплатить за этот триумф. Но цена оказалась приемлемой — я почти не изменилась, если не считать немного подтянувшейся фигуры, чуточку подправленных черт лица да слегка потемневших глаз и волос.

Это еще одна особенность нашей расы: пока суккуба не надела брачные браслеты, она абсолютно свободна в выборе облика. Однако замужество ограничивает нас желаниями мужа. Мечтал он с отрочества жить с шикарнейшей блондинкой — в суккубе закрепится именно этот образ; хотел

заполучить в постель демонессу с крылышками — пожалуй-ста, только скажи. Наш дар, к сожалению, имеет и обратную сторону, потому-то суккубы и хороши в роли жен. Но какой женщине понравится, если ее внешность будет зависеть от мужчины?

Мне, к счастью, повезло — муженек оказался непривередливым, и его безразличие дважды сыграло мне на руку: я не только выжила, но и осталась прежней. И до тех пор, пока мы не разделим постель, а на мои руки не вернутся брачные браслеты, я смогу меняться, как захочу.

— Хелька-а-а... — вдруг тихонько провыл кто-то под окном, заставив меня с усмешкой отойти от зеркала. — Хель, ты еще не спишь?

Выглянув в окно, я с удивлением обнаружила там нашего медведеобразного оборотня — наполовину обернувшийся, обросший по самое не могу Василек зачем-то топтался на драгоценном газоне директрисы и с надеждой смотрел в мое окно.

— Хе-э-эль? Ты там живая?

— Чего надо? — Толкнув створки, я по пояс высунулась наружу. — До весны еще далеко, так что зелье против гона тебе не нужно. Или мухоморовки не хватило? За новой порцией пришел? Тогда это не ко мне — у Шмуля спрашивай. Мою заначку вы еще на прошлой неделе распотрошили.

Васек, по обыкновению вышедший на ночную прогулку в одних только трусах, мотнул головой и беспокойно почесался.

— Да я вообще-то... прощения попросить пришел.

— Чего-о?

— Ну да, — виновато повторил он. — Если б не я, ты бы этого фея придурковатого не послушала.

— Да живи уж, провокатор. Я больше не злюсь, — беззлобно откликнулась я, и он, снова яростно почесываясь, послушно отступил. — Чего скребешься? Опять блохи замучили?

— Они, проклятушие, — страдальчески протянул Васек, ожесточенно скребя медвежьими когтями бурый бок. — Как вылезет шерсть, так и заедают. К лету вообще никакого

спасения нет. Откуда только берутся, сволочи?! Хель, слушай... а может, ты какое зелье от них сваришь?

Лохматая морда, на которой еще просматривались человеческие черты, умоляюще посмотрела снизу вверх.

— Сделай, а? Пожа-а-алуйста! Или у целителей выпроси, ты же можешь. А я тебе за это травок хороших принесу.

Я задумалась. Оборотень у нас, конечно, нестандартный — добрый, ласковый, как теленок, за то его и вышибли из стаи. Да и ходит до сих пор на двух ногах, даже когда обрастет по самые брови. Но с нюхом у него все в порядке, поэтому травы чувствует на раз. А некоторые из них можно удачно толкнуть на городском рынке, так что предложение определенно было выгодным.

— Качественного средства от блох у меня нет, — признала я, задумчиво присев на подоконник. А затем распахнула крылья и слетела вниз, благо тут всего-то третий этаж. — Рецепта не знаю, спросить пока не у кого — целители все на практику уехали, — так что тебе помочь не могу. Разве что попробую благословить?

Василек вздрогнул и попятился.

— А что? — рассудила я, мысленно прикидывая, за сколько продам городской ведьме редкие травки. — Тьмы в тебе нет, следовательно, и риска никакого.

— Да ты сама не знаешь, что у тебя в итоге выйдет, — откровенно занервничал медведь. — У тебя Свет нестабильный!

— У меня и с Тьмой не все в порядке, — успокоила его я. — Зато Свет не причиняет прямого вреда, так что, если благословение не получится, тебе ничего не грозит. Ты же не темный, как Шмуль или Улька.

Медведь, неловко переступая обросшими ногами, в смысле наполовину лапами, попятился еще дальше.

— Да? А когда ты мне лапу лечила, шерсть потом еще с полгода не росла.

— Это я просто перестаралась с наведением красоты.

— А когда цветы под окном растить пыталась — помнишь, что вышло?

Я кинула задумчивый взгляд на густо зеленеющий не-
вдалеке лес.

— Подумаешь, степени перепутала... Но, если не хочешь
благословляться, могу и проклясть.

— Да иди ты! — шарахнулся прочь оборотень, зачем-то
испуганно прикрывая передними лапами зад. — Твои опы-
ты только Марти спокойно переносит, и то потому, что ему
уже ничто не навредит!

Я пожала плечами.

— Ну и ладно. Не больно-то надо было. Живи и дальше с
блохами, и пусть они тебя сожрут окончательно.

Медведь вдруг переменялся в морде лица и подозри-
тельно замер.

— Хелечка, надеюсь, ты это не всерьез? Ты ведь не уме-
ешь проклинать, правда?

Я хищно улыбнулась.

— А кто его знает? У меня дар — как маяк: то вспыхнет,
то погаснет. Так что, если не хочешь сюрпризов...

— Тьма с тобой, чудовище, — страдальчески скривился
Василек. — Давай благословляй... только осторожно!

Я довольно потеряла руки и простерла их над съезжив-
шимся медведем. Нет, ну а что? На ком прикажете трениро-
ваться? Светлые от меня уже шарахаются, не без оснований
воспринимая мои благословения за проклятия, а темных
трогать мне категорически запретили. Причем запрет на
убийство был выставлен суровой маменькой, а не Старой
Жабой, поэтому нарушить его я не могла. Но надо же как-
то выкручиваться?

С торжественным видом возложив ладони на лоб при-
павшего к земле оборотня, я сосредоточилась. Василек, на-
против, зажмурился и на всякий случай закрыл лапами гла-
за. При этом бока его судорожно дергались — то ли от стра-
ха, то ли блохи все же замучили беднягу до основания, а
потом он и вовсе затрясся, как в лихорадке.

— Благословляю! — громким шепотом (ночь же на дво-
ре!) произнесла я, ни фигаськи не зная, что в итоге полу-
чится.

Василек замер, лихорадочно пытаюсь понять, чего лишился на этот раз. А через пару секунд неожиданно дернулся, высоко подпрыгнул... и так громко взвыл, что с крыши одной из башен с истеричными воплями взлетела стая ворон, а в комнатах студентов начал загораться свет.

— Хелька-а-а! Что ты натворила, ненормальная?!

— Что такое? — забеспокоилась я. — Вась, тебе больно?

— Ты зачем меня *всего* благословила? Вместе с блохами?! — заорал полумедведь, юлой завертевшись на месте и пытаюсь отчаянным рывком сбросить с себя что-то невидимое. — Они же озверели совсем! Щас сожрут к такой-то матери!

— Хм, — задумалась я, когда он заметался перед нашим корпусом как бешеный. — Это ты меня с мысли сбил, пока тряся. Но результат все равно интересный. Как считаешь, твоих блох теперь можно считать блаженными?

— Хелька!

— Да думаю я, думаю, — с досадой отозвалась я, на всякий случай отступив в сторонку, пока свалившийся на землю и яростно по ней катающийся медведь меня не зашиб. То-то была бы радость лешему, который сегодня остался без мухоморовки. — Но пока что-то в голову ничего не приходит. Вась, а давай я попробую благословить их еще раз, только теперь на смерть? Вдруг они издохнут? Тебя не заденет... я надеюсь, но, если заденет, мы мертвологов позовем! Я их быстренько соблазню, и они поднимут тебя заново. Смерть, как они утверждают, это еще не конец.

— Убью! — внятно прорычал вставший на четвереньки оборотень, посмотрев на меня налитыми кровью глазами.

— А может, не надо? — с надеждой спросила я, когда он яростно царапнул землю заметно отросшими когтями и напружинился, как перед прыжком. — Вася... Васенька... Василечек ты мой мохнатый! Знаешь, мне что-то не нравится зверское выражение на твоей морде...

— Хр-р-р! — свирепо выдохнул медведь. Ой, кажется, оборотень у нас теперь полноценный! И злой, как ему положено, хотя это совсем не вовремя. — Ахр-р-р!

— Драпать пора, — сообразила я и как можно быстрее поднялась. Вернее, свечой взлетела вверх, успев поджать под себя ноги. Невменяемый оборотень прямо с места подпрыгнул, но с обиженным ревом грохнулся обратно на землю, не дотянувшись до меня всего на ладонь. — Васенька, ты не буйствуй, люди все-таки спят... Ах, уже не спят? Ну тем более. Зачем им смотреть, как под окнами носится здоровенный бурый медведь в красных труселях? Неужто тебе не стыдно?

Однако «Васенька» не смутился. Только следил за мной злыми глазами и остервенело чесался, явно не собираясь приходить в себя.

Задумчиво потеряв пятую точку, я подлетела поближе, зависнув над головой угрожающе заворчавшего медведя, а потом вздохнула и простерла над ним сразу обе руки.

— Что ж, попробуем иначе... Блохи! Силой, данной мне Светом, благословляю вас кусать только тех, кого я считаю врагом!

Вид моих поднятых ладоней явно напомнил оборотню о чем-то нехорошем, потому что он тут же закрыл пасть и, странно хрюкнув, попытался сбежать. Я, естественно, ринулась следом. Но возложить на него руки во второй раз никак не получалось, потому что дурной медведь вдруг начал вилять, словно я собиралась его подстрелить. А я очень хотела до него дотронуться. И совсем забыла, что творить благословение, находясь в темной ипостаси, более трех раз подряд чревато неприятностями. Поэтому, нагнав стремительно улепетывающего оборотня, внезапно обнаружила, что мои крылья дымятся, и, испуганно охнув: «Папочка святой!» — ...рухнула прямо на загривок взрепевшему от неожиданности Ваське. При этом мои ладони намертво вцепились в его уши, ноги я каким-то чудом успела перебросить по обе стороны его шеи, усевшись верхом, как на коня. Мимолетно порадовалась, что впервые в жизни смогу прокатиться на озверевшем приятеле, а Василек... у него, кажется, случился такой стресс, что от ужаса он перекинулся обратно в человека и прямо на бегу рухнул так, что я самым неэстетичным образом улетела в кусты.

— Хе-э-эль... — донесся до меня через пару минут страдальческий стон. — Хе-э-эля-а-а...

Торопливо ощупав руки-ноги, я выпуталась из зарослей шиповника и на карачках выползла из кустов.

— Чего?

— Ты сво-о-олочь... — просипел Василек, снова принявший вид крупного, волосатого, как тот медведь, но по своему неплохого парня. Правда, всклокоченные волосы и грязные разводы на теле придавали ему диковатый вид, а порванные на заднице труселя были несколько... неуместны, но я только выдохнула:

— Живой!

И облегченно рухнула в траву.

Приводить Ваську в чувство нам пришлось вчетвером и до самого утра. Мы — это растрепанная и перемазанная в земле я, нутром почуявший беду ангел, примчавшаяся на наши крики Улька и уже успевший к тому времени заснуть оракул, которого мы безжалостно разбудили, когда заволакивали беспамятного оборотня в их общую комнату. Разобитый Шмуль высунуть нос из соседней не пожелал, но звать его мы не стали — наверняка мелкий перестарался с мухоморовкой и теперь дрых без задних ног.

Потом я долго гладила лежащую на моих коленях голову оборотня, у которого после первого нормального обращения наступил жестокий откат. Улька, давно и безнадежно увлекшаяся целительством, одно за другим испытывала на нем свои зелья. Марти с печальным видом сидел на подоконнике, с ходу заявив, что тут он не помощник. А Зырян торопливо доедал оставшиеся после ужина пирожки.

Боль мы Васильку в конце концов сняли — хвала Тьме, среди Улькиных запасов нашлось-таки нужное зелье, — но страшнейший зуд унять так и не смогли. В результате несчастный медведь сперва кидался на стены. Потом, когда его попытались образумить, уже на нас. В конце концов его пришлось туго связать и засунуть под одеяло, время от времени рискуя подойти и вытереть выступивший на его лице пот. Потом он тихо страдал, пугая своими подвываниями

соседей. Скрипел зубами и громко охал, когда в него пытались влить очередную целебную гадость. Улька без пользы извела на него почти все свои запасы, уже даже не радуясь, что нашелся достойный повод испытать их в действии. А потом мы только молча сидели и беспомощно переглядывались, не зная, чем помочь.

В результате все пятеро одинаково не выспались и на занятия по ядоварению потащились только потому, что на «ядах» всегда можно было и поесть, и выпить, и даже иногда подремать, если не было лабораторки. Впрочем, сегодня мы пришли не за этим.

— Простите, вам *что* от меня нужно, молодые люди? — удивленно округлила глаза сухонькая благообразная старушка, к которой мы явились на поклон. Чистокровная человечка. Приветливая. Милая. Ей бы платочек сверху, сарафанчик беленький — и хоть сейчас в деревню, пирожки печь. Может, правда, пирожками она и так иногда балуется, но я, например, поостереглась бы их пробовать: такого непревзойденного специалиста по ядам УННУН не видел уже давно. — Я преподаю ядоварение, а не целительство! Вы обратились не на ту кафедру!

— Но мадам Травиль! — взмолилась Улька, делая большие-пребольшие и очень трагические глаза, которые мгновенно наполнились слезами. — У нас первый урок именно у вас, а Василек сегодня ночью первый раз обернулся, и теперь ему очень плохо!

Старушка скептически оглядела нашу излучающую вселенскую скорбь и мировое уныние компанию.

— Милая, если ядовары начнут лечить, тогда весь мир погрузится в траур.

В ответ наша непризнанная актриса заломила руки и взвыла так, как только она одна умеет:

— Но вы ведь наверняка знаете какое-нибудь средство-о-о! Прошу вас, помощи-и-ите! Он же погибнет, а я не хочу его оплакива-а-ать!..

Васька, демонстративно повиснув на плече Зыряна, угавающим голосом прошептал:

— Спасибо, Уль, я знал, что ты не бросишь в беде...

Его бледно-зеленая физиономия, которую мы с утра старательно натерли белилами и одновременно травяным настоем от прыщей, изобразила улыбку умирающего — печальную и всепрощающую. После чего оборотень закатил глаза и начал медленно сползать на пол.

— Только не на моем уроке! — всплеснула руками преподавательница. — У меня и так самый высокий травматизм на занятиях, а если студенты начнут умирать не только потому, что, вопреки предупреждениям, упорно пытаются пробовать свои зелья на вкус, я тогда вообще не буду знать, как жить! Марш отсюда! К целителям давайте! Живо!

Она замахала руками, и мы, сохраняя скорбные выражения на лицах, послушно направились к выходу. При этом Зырян тащил, подхватив под мышки, тяжело дышащего оборотня, идущий впереди Марти нес его обутое в грязные сапоги ноги, Улька, как самая маленькая и слабая, схватилась за безжизненную руку, а я с мрачным видом придерживала безжизненно болтающуюся Васькину голову.

Торжественный вынос тела состоялся в гробовом молчании, потому что из однокурсников, которых на «ядах» всегда собиралось немало, нас никто не окликнул. А если и прошуршали где-то под потолком Шмулькины крылья, на это внимания никто не обратил.

— Ну! Достал? — громогласным шепотом спросил Зырян, когда мы вышли в коридор и завернули за угол, где нас уже поджидал запыхавшийся фей.

Шмуль, подлетев, молча протянул мне небольшую мензурку с темно-вишневой жидкостью, смутно похожей на кровь, и тут же отвел глаза. Насчет вчерашнего мы так и не поговорили, но, надо отдать должное, узнав поутру о Ваське, он всполошился больше всех. Видимо, расстроился, что продрых самое интересное. А едва выяснив, в чем дело, тут же развил бурную деятельность и, разработав подробный план действий, вызвался осуществить самую опасную его часть.

— Бери! «Кровь рубина». Ничего лучше у нее в тайнике не было.

— Спасибо, — спокойно кивнула я, и он поспешил отлететь в сторону. — Вась, восстань и пей. Это самое подходящее для тебя зелье.

Издыхающий оборотень тут же поднял голову, с подозрением огляделся, но убедился, что коридор действительно пуст, и проворно вскочил на ноги.

— А что оно делает?

— Избавляет живых от любых негативных последствий магии: проклятий, благословений, воздействия других зелий, включая смертельные яды...

— Универсальный антидот, — ввернула умное словечко Улька и гордо вытерла рукавом ненастоящие слезы, опять размазав тушь по лицу.

— Да, — согласилась я с жутковато разукрашенной баньши. — Уля дело говорит. Если тебе что поможет, так это он.

Василек просиял и, выхватив драгоценную мензурку, залпом ее осушил. После чего прислушался к себе, заметно повеселел и, чмокнув от избытка чувств грязную Улькину щеку, громким шепотом воскликнул:

— Ура! Я снова живой!

Спустя полчаса мы, запершись в комнате Васьки и Зыряна, жадно поглощали утащенный из столовой завтрак. Мартин, поклевав каких-то зернышек, отвалился первым и, успев занять верхнюю кровать, блаженно прикорнул. Я на этот раз уселась на подоконник, чтобы видеть, кто входит и выходит из общаги. Разомлевшая Улька приютилась на стуле, вяло потягивая морковный сок. А заметно посвежевший оборотень, бурно жестикулируя, в лицах описывал свои ночные приключения. В первую очередь фею, который почему-то забился в дальний угол на нижней койке, откуда его почти не было видно. Ну и Зыряну заодно, который только сейчас смущенно признался, что после моего ухода успел заснуть и, оказывается, видел сон, где я с распущенными волосами и безумным лицом катаюсь на большом буре медведе, а тот подпрыгивает, как необъезженный жеребец, и светится изнутри, будто магический фонарь.

Проследив за тем, как в общагу возвращаются с ночной практики усталые мертвологи, я не стала комментировать неудачу оракула. Мы уже давно знали, что его видения чаще всего показывают не грядущие события, а то, что происходит в данный момент. Правда, происходить это могло где угодно, хоть в другом мире, но, увы, строгие временные рамки делали такие предсказания бесполезными. Так что я не удивилась, когда оракул в точности описал ночное происшествие и смущенно умолк, выразительно посматривая на последний бутерброд.

— А с другой стороны, это и неплохо, — спустя еще пару минут сказал он, опасно качнувшись на стареньком табурете и ткнув пальцем в замолкшего оборотня. — Ты получил наконец полноценную ипостась и больше не будешь изгоем. Хелька тоже осталась в выигрыше, потому что смогла на тебя воздействовать на расстоянии и, вполне вероятно, перешла на новую ступень освоения Света. Если мне не изменяет память, раньше ты могла давать благословения только первого уровня?

— Вообще-то второго, — рассеянно отозвалась я, жестом показывая, что планов на бутерброд не имею. — Но очень редко. Это требует много сил.

— Вот! — Зыряныч, жадно впившись зубами в еду, невнятно замычал. — А вождейштвие на рашштоянии ожночает увовень не ниже тфетьево! Внафит, ты шмогла увевичить швои вожможношти, а это отшень хорошо.

— Конечно, хорошо, — поморщился Васька. — Особенно за мой счет!

— Не ной, — фыркнула я. — Я тебя от блох избавила, нелюдь. И вообще, мог бы спасибо сказать, что тебе помогли стать нормальным. А то сколько бы ты еще бегал полузверем?

Мартин, свесив одну руку через ограждение кровати, сонно пробормотал:

— Года три бы еще точно промучился.

— Тебе-то откуда знать? — недовольно насупился Вася, задирая голову.

— А я лекции по оборотничеству не пропускал, в отличие от некоторых.

— Да чего я про себя там не слышал?

Ангел молча перевернулся на другой бок, потому что, как большинство пернатых, не любил спорить. А мы как-то сразу затихли. Бывало, проскакивало в нашем Мартине что-то такое... объединяющее. Хоть и бескрылый, он каким-то образом умел влиять на других. И когда чего-то очень сильно хотел, оно, как правило, сбывалось. Как, например, сейчас.

— Хель... — через минуту негромко спросила Ульяна. — Хеля, а что там хоть было-то... внизу?

Я зевнула и прислонилась головой к стеклу — спать хотелось невероятно.

— Да ничего особенного, все как у нас. Стены, люстры, двери...

— А демоны?

— А что, демоны разве не люди? Подумаешь, рогатые мужики с хвостами.

— Ну а Князь? Он вообще какой?

Я машинально потерла саднящие, но уже переставшие болеть запястья — заживало на мне всегда быстро.

— Нормальный он... для Князя. Только властный очень. Я таких не люблю.

— Он, наверное, страшный, да? — обмирая от непонятного ужаса, прошептала баньши, и я невольно задумалась, вспомнив равнодушное лицо оставшегося в подземелье мужа. Прямые черные волосы, светлая кожа, абсолютно черные глаза, в которых отражается бездна прожитых лет, острый нос, почти бесцветные губы...

— Пока в глаза не посмотришь, ничего, — наконец решила я. — И силища у него такая, что под нее лучше не попадать.

— Зовут-то его хоть как? — снова спросила Улька, жадно подавшись вперед. Ну да, у нее есть такой пунктик — любит все выяснять до мелочей.

Я пожала плечами.